

Передо мной 9 писем Н. П. Масина. Я познакомилась с ним на одной из декабрьских встреч в московской школе № 1272, куда он приезжал из г. Переславля-Залесского Ярославской области. Подошла к нему и спросила: «Можно я напишу Вам письмо?» И между нами завязалась переписка, в которой Николай Павлович предстал как интереснейший рассказчик. В числе 37 ярославских добровольцев он прибыл в октябре 1941-го в Москву, в разведывательно-диверсионную часть 9903, чтобы защищать столицу.

14 октября в Ярославском обкоме комсомола стали собираться парни моего возраста. В коридоре на листке бумаги записывали фамилии явившихся... Для чего нас собирают, мы сами еще не знали. Меня направил в Ярославский обком Ростовский райком комсомола решением от 13 октября 1941 года.

Болтаясь без дела, я заметил на лестничной площадке одного парня. Голову его крепко прижимала к своей груди молодая девушка, лица которой я не мог разглядеть, так как она плакала, уткнувшись в этого парня.

Когда стало темнеть, всех нас вывели на улицу, построили, сверили по списку, и один из работников обкома повел нас на железнодорожную станцию Ярославль-Главный. Это был Борис Крайнов. Около 2-х часов ночи мы сели в вагон поезда, следовавшего в Москву. Ехали очень медленно, долго стояли в Александрове, так как Москву бомбили.

По приезде в Москву нас повели в ЦК комсомола, куда мы явились около 6-ти часов вечера. Всю нашу группу завели в красный уголок, усадили, снабдили газетами и журналами и велели ждать, когда к нам подойдет секретарь ЦК тов. Михайлов для беседы. Ждали мы часов до 8 вечера, но безрезультатно. Мы очень хотели есть, поскольку ни в поезде, ни в Москве ничего не ели.

Наконец, в девятом часу работник ЦК объявил нам, что Михайлов задерживается на заседании Г.К.О. (Госкомитета обороны) и повел нас на ночлег в гостиницу «Москва». Разместили всех в двухместных номерах на последнем - 13-м этаже - по заявке ЦК и за его счет.

Нам достался номер «Люкс», в нем оказались я и Павел Проворов.

Ознакомившись с номером, мы выяснили, что можем позвонить в ресторан и заказать ужин в номер по телефону. После ужина я стал слушать радио, а Павел сел за письмо. Я сперва не обратил внимания на его писанину, но когда он стал подписывать адрес на конверте, то посмотрел и увидел фамилию – Мазиковой Клавдии Матвеевны. Я вскрикнул: «Ты уже запечатал конверт?», он ответил, что еще нет. Тогда я ему сказал, чтобы он приписал в письме, что он сейчас сидит в номере с Николаем Масиным, которого она хорошо знает, и он, мол, Николай, передает ей привет. Я спросил Павла, не с Клавдией ли он прощался тогда, в обкоме комсомола (а это был именно он), он отвечал, что да, с ней, она его провожала. Я очень опечалился, что не узнал ее 14 октября. Я учился с Клавой Мазиковой в одном классе с 1 по 4 класс. Родом мы были из двух соседних деревень под Ярославлем – она из деревни Осурово, а я – из села Рогозинино, в полутора километрах от Осурово... Об этом я рассказал тогда Павлу...

Поздно вечером мы, человек 20 парней, решили сходить в ресторан гостиницы «Москва» (он находился на 6-м этаже). В ресторане нас встретили весьма не приветливо, посадили всех в один угол, велели быстро поесть и убираться оттуда. То, что мы увидели в ресторане, нас поразило: в зале сидели в основном полупьяные старшие офицеры, а на коленях у них – полураздетые молодые женщины, тоже пьяные, они бесстыдно целовались и обнимались. В воздухе здесь витала одна мысль: Москва гибнет, живем последние дни, наслаждайся, пока есть время.

На следующий день, 16 октября, в 6 часов утра нас разбудил громкий плач в коридорах. Плакали женщины – обслуга гостиницы. Мы вышли из номеров и узнали, что в 5 утра по городскому радио было передано сообщение об эвакуации населения Москвы.

Мы, ярославцы, срочно все собрались, вышли на улицу, чтобы идти в ЦК, и были свидетелями ужасной паники, начавшейся в столице. К нам бежали жители окрестных домов, просили помочь им погрузить вещи на автомашины, трамваи еле ходили, на буферах трамваев висели люди, по улицам неслись плач и крики. Похолодало, была небольшая метель.

Около 8 часов утра мы подошли к ЦК комсомола и хотели войти в дверь, но нас остановил милиционер-охранник: он сказал, что ЦК здесь нет, оно эвакуировано... Мы не знали, что нам дальше делать, куда обращаться. Тогда Б.Крайнов решил так: будем ждать до 14 часов, если ничего не прояснится – уезжаем обратно в Ярославль...

Часам к 10 к нам стали подходить девушки с котомками за плечами, они тоже пришли в ЦК. Девушки были одеты по-разному: кто в спортивной форме, кто в обычной одежде. Помню, одна из них была в солдатской форме – в брюках и гимнастике. Около полудня к зданию ЦК на легковой машине подъехал майор Спрогис, он сказал, что мы прибыли в его распоряжение и велел подойти к кинотеатру «Коллизей», обогреться в нем, куда за нами придут его машины.

Часам к 5 вечера мы были в части 9903, на станции Жаворонки, где нас встретил А.К.Спрогис и повел всех в столовую, что было очень кстати, так как мы здорово проголодались. Мы все были добровольцы, прошли через мандатную комиссию, где нам объяснили, на что мы идем, и мы подтвердили наше добровольное согласие на службу в в/ч 9903.

Нас разместили в большом бараке. Ночевать мы легли на полу на одних ватных матрасах, а девушки рядом, в большом зале на кроватях. Я заходил к нашим девушкам, интересовался их настроением. Я уже знал, какая у нас будет работа – тяжелая и опасная, и поэтому недоумевал, почему они пришли в часть. И тут некоторые из них стали мне отвечать, да так, что моему удивлению не было предела. Одна из девушек сказала, что ради победы она готова идти на любые испытания и смерть. Больше того – согласна работать среди фашистских офицеров, узнавать все их секреты и т.д. И когда я спросил других девчат, готовы ли они к этому, все подтвердили свое согласие. Я помню, какие они были красивые, умные и искренние, как любили нашу Родину, и мне показалось, что они будут работать в тылу врага лучше, чем я...

Со следующего утра начались учения, а на третий день уже стали формироваться разведгруппы по 10-12 человек. Ко мне подошел Борис Крайнов, сказал, что он назначен командиром группы и предложил мне войти в его группу. Как я понял, он набирал в свою группу физически крепких ребят. Я дал свое согласие, почувствовав в нем надежного и волевого командира. Павел Проворов попал в группу к Ивану Ананьеву. В

этой же группе была и Клавдия Сукачева.

В ночь с 19-го на 20-е октября две группы (Крайнова и Ананьева) перешли линию фронта. Часа в 4 дня 19-го мы на двух полуторках отправились к Можайску. Совместно обе группы должны были уйти в тыл врага, а там разделиться. Но стало уже темно, и мы заночевали в какой-то деревне, а рано утром поехали дальше. Проехали станцию Дорохово, и далее к Можайску. Не доезжая до него, сделали остановку – впереди шел бой. Но эту деревню немцы вскоре атаковали сбоку из леса, и нам пришлось отступить. К вечеру мы поехали по дороге от Кубинки на Наро-Фоминск. Вскоре слезли с машин и пошли по болоту к реке Наре, где перешли линию фронта.

Дня два наши группы шли совместно, двигались мы более всего лесом. И вот здесь впереди сводной группы шли Павел Проворов и я. Мы с ним договорились: он наблюдает за вершинами деревьев, а я за стволами. Дело в том, что находившиеся в то время в подмосковных лесах немцы прокладывали проводную связь. Когда мы шли, эти провода часто встречались нам, мы их вырезали. Группа вполне могла внезапно нарваться на немецких связистов – поэтому мы вдвоем и шли в головной разведке.

Я наблюдал за Павлом: он был невозмутим, внимателен, не болтлив, целеустремлен. Его внешний облик мог нравиться многим девушкам. Где-то в лесу ему попала солдатская железная каска, он не раздумывая надел ее на свою голову. Через двое суток наши группы разъединились, и я его больше не видел никогда...

Сейчас, когда я вспоминаю те маршруты, по которым мы продвигались осенью 1941 г., меня удивляют расстояния, которые мы преодолевали тогда. Правда, походы наши были довольно продолжительными: нас посылали на 5-6 дней, а мы действовали 18-20 дней. Конечно, нас преследовал не только противник, но и голод и холод. А еще было очень трудно передвигаться ночью по темному и густому лесу, без тропинок и дорог, на ощупь, с вытянутыми вперед руками. А ноги то и

дело натыкались на пни, поваленные деревья, торчащие в разные стороны сучья. Иногда попадались крутые склоны оврагов, канавы и речушки, в которые мы падали.

Все наши девушки были спокойны и серьезны, разговор всегда шел только по делу, они никем из нас не увлекались. У нас в группе был Иван Смирнов, из Рыбинска. И была девушка очень привлекательная и умная, студентка физико-математического факультета какого-то московского института – Маша Кузьмина. Так вот, я слышал, как Иван признавался Маше в любви, а она ему отвечала, что эти дела сейчас надо отставить в сторону, сейчас надо воевать. Я иногда с Машей беседовал, сам я интересовался математикой, это нас сближало. Помню, в походе она приболела, мы переживали за нее, старались как-то облегчить ее положение... Она выздоровела, но 4 ноября, когда группа готовилась к минированию шоссе на дороге, и Соня Макарова достала из рюкзака часовую мину, эта мина вдруг взорвалась у нее в руках. Погибли Соня и находившаяся рядом с ней Маша, и я их хоронил – вырыл могилу и похоронил...

В первом походе (с 19 октября по 8 ноября 1941 г.) Борис Крайнов опирался как командир на меня и Валентина Баскакова (последний был 1916 года рождения, старше нас всех, бывший милиционер). Мы втроем намечали и разведывали маршруты движения, выходили в села и деревни, добывали пропитание, делали засады, определяли места минирования дорог. Были в нашей группе и девушки. Крайнов часто ночью посылал меня вместе с Наташей Самойлович – пройти вперед и проверить надежность пути дальнейшего движения. Однажды ночью Крайнов объявил группе привал, а мне приказал пройти вперед и, примерно в 2-х километрах, осмотреть деревню на предмет наличия в ней немцев. Ночь была совершенно темная, я шел почти на ощупь, в одной руке держал взведенную гранату, в другой – наган. Вышел на сельскую дорогу и понял,

что приближаюсь к домам. Иду неслышно, вдруг под ногами чувствую что-то мягкое. Присел, пощупал руками, оказалось – убитая собака. Это меня насторожило, я стал внимательно всматриваться в темноту. Постепенно проявился посад деревни, а рядом стояли зенитные немецкие пушки, стволы их были в горизонтальном положении, а вокруг пушек обустроены защитные валы. Я понял, что рядом немецкая зенитная батарея. Ждал окрика часового, но он меня не заметил, и я благополучно возвратился к группе.

Вообще, вспоминая события тех далеких дней, я ловлю себя на мысли о том, что мне по-своему «везло»: я чаще всех стоял часовым, охранял разведгруппу по ночам, ходил в разведку по деревням, выбирал броды через реки путем погружения в воду, а затем уже на передовой в окопах в 1942 году ходил в разведку и определял передний край в обороне противника, а в атаках бежал первым, опережая других.

Нам в качестве холодного оружия выдали плоские штыки-ножи к немецким винтовкам, дали и немецкие карабины. Эти штыки мы носили в чехлах на поясе, но они были туповаты. Борис Крайнов подобрал плоский камень и на ходу все время точил этим камнем свой штык-нож. Мы сначала посмеивались, а через несколько дней его штык-нож стал острым, как бритва, и многие из нас последовали его примеру.

Внешне Крайнов был похож на немца-арийца, о чем я ему как-то сказал. Он ответил мне приблизительно так: да, мне несколько раз говорили, что я на них похож, но я их буду душить, пока у меня есть руки.

Борис был среднего роста, очень подвижный, живой, с быстрой реакцией, мысли всегда были у него ясные и нам всем понятные. Он был близок мне по характеру, я уважал его и он отвечал мне тем же. Я долго не мог понять, почему Спрогис отчислил его из в/ч 9903? И лишь недавно мне удалось узнать, что причина отчисления была в том, что он

незаконно застрелил в Белоруссии старосту какой-то деревни. Не знаю, правда это или нет, но по своему характеру он вполне мог это сделать.

По письмам Н.П. Масина Е.Г. Ивановой, 2006-2008 гг.